

А.С. Павлов

В поисках советской философии сознания.

Рецензия на: Советская философия сознания: этюды по истории идей /
Под ред. А.Д. Майданского. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2023. – 336 с.

Павлов Алексей Сергеевич – кандидат философских наук, младший научный сотрудник Института философии Российской академии наук. Российская федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: pavlov.alexey@gmail.com

Настоящий текст представляет собой рецензию на коллективную монографию «Советская философия сознания: этюды по истории идей» под редакцией А.Д. Майданского. Едва ли кто-то будет спорить с тем, что философия сознания – это центральная, если не главная, дисциплина современной аналитической философии. Большое значение имело установление параллелей между дискуссиями в аналитической философии сознания и тем, что в это время происходило в лоне советской мысли, во многом существовавшей в каркасе марксистско-ленинского дискурса. Название обсуждаемой монографии наводит на мысль, что перед нами первое систематическое историко-философское исследование, имеющее своим предметом те дискуссии в советской философии, которые в той или иной степени касаются проблематики философии сознания. Если наше предварительное представление о книге соответствует действительности, то это работа, которую ждали давно. Тем не менее монография оставляет неоднозначные впечатления. С одной стороны, книга стремится восполнить недостаток в освещении проблематики философии сознания в советской философии. В «Приложении» приводятся значимые источники (автореферат кандидатской диссертации М.К. Мамардашвили, отзыв официального оппонента Э.В. Ильенкова и др.), и вследствие этого научная ценность монографии не вызывает сомнений. С другой стороны, налицо недостаточная проработанность методологии исследования. Книга пытается убедить нас в том, что она polemизирует с аналитической философией сознания, но с этой задачей явно не справляется. Вернув её на полку, читатель вряд ли будет иметь отчётливое понимание того, чем же, собственно, отличается советская философия сознания от англо-американской альтернативы: если такого рода противопоставление действительно имело место в качестве одной из целей работы, то его следовало осуществлять эксплицитно и систематически. Достижению этой цели также не способствует отсутствие последовательности в употреблении термина «сознание»: в разных местах и без предварительных пояснений под ним понимается то феномен природы, то некий социальный конструкт. Среди недостатков иного рода следует указать неполноту историко-философского обзора.

Ключевые слова: М.К. Мамардашвили, проблема сознания, С.Н. Мареев, советская философия, философия сознания, Э.В. Ильенков

Для цитирования: Павлов А.С. В поисках советской философии сознания. Рецензия на: Советская философия сознания: этюды по истории идей / Под ред. А.Д. Майданского. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2023. 336 с. // Отечественная философия. 2023. Т. 1. № 2. С. 128–136.

Едва ли кто-то будет спорить с тем, что философия сознания – это центральная, если не главная, дисциплина современной аналитической философии. Когда во второй половине XX в. в аналитической мысли произошёл «парадигматический сдвиг» и на смену изучению обыденного языка пришло исследование природы сознания, эта дисциплина заняла место теоретического «испытательного полигона», на котором проверялись на прочность концепции, разрабатывавшиеся в аналитической метафизике. Более того, ввиду тесной связи с когнитивными науками и науками о мозге, а также широкого массива научно-популярной литературы, за философией сознания закрепился статус «визитной карточки» аналитической традиции. Сравниться с ней по степени «медийности», пожалуй, могут разве что нормативная этика и политическая философия.

Большое значение имело установление параллелей между дискуссиями в аналитической философии сознания и тем, что в это время параллельно происходило в лоне советской мысли, во многом существовавшей в каркасе марксистско-ленинского дискурса. Например, в данном контексте представляет интерес информационная теория сознания Д.И. Дубровского¹, за несколько десятилетий предвосхитившая отдельные линии аргументации Дэвида Чалмерса², Джулио Тонони³ и других западных авторов.

Коллективная монография, о которой далее пойдёт речь, называется так: «Советская философия сознания: этюды по истории идей». Это название наводит на мысль, что перед нами первое систематическое историко-философское исследование, имеющее своим предметом те дискуссии в советской философии, которые в той или иной степени касаются проблематики философии сознания. Если наше предварительное представление о книге соответствует действительности, то это работа, которую ждали давно. Однако не будем спешить с оценками и сначала взглянем, что у неё под обложкой.

Исследование открывает предисловие⁴ и статья⁵ за авторством редактора А.Д. Майданского. В последней об аналитической философии сознания говорится с нескрываемым пренебрежением, а сам этот термин – словно сленг или какой-то изуверский технизм – заключается в кавычки. Напрашивается сказать: в наш профессиональный обиход пора вводить понятие *метаметодологической* (sic) *токсичности* для обозначения высказываний, которые принадлежат представителям одной философской традиции, адресованы представителям другой философской традиции и очевидным образом нарушают этические нормы научной дискуссии.

Также обращает на себя внимание следующий пассаж. Приведём его с незначительными купюрами:

¹ См. наиболее актуальную редакцию этой теории в: Дубровский Д.И. Проблема сознания. Теория и критика альтернативных концепций. М., 2021.

² См.: Чалмерс Д. Сознательный ум / Пер. на рус. яз. В.В. Васильева. М., 2019.

³ См.: Танюшина А.А. Философские проблемы теории интегрированной информации Д. Тонони // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2020. № 1. С. 18–31.

⁴ Майданский Д.А. Предисловие / Советская философия сознания: этюды по истории идей / Под ред. А.Д. Майданского. М., 2023. С. 3–6.

⁵ Майданский Д.А. «Практический материализм» в философии сознания / Советская философия сознания: этюды по истории идей / Под ред. А.Д. Майданского. М., 2023. С. 7–28.

Выступая на семинаре психологического факультета МГУ, Ильенков призывал объединить усилия педагогов, психологов и философов вокруг понятия деятельности <...>. Проблема, однако, в том, что «деятельность» зачастую толкуется абстрактно, как всякого рода «активность». Понятие деятельности необходимо конкретизировать: она должна быть понята как «процесс изменения природы, предметная деятельность в самом серьёзном значении этого слова». <...> Сознание указывает цель деятельности и выполняет поисково-ориентировочную функцию. Благодаря работе сознания человеческая деятельность становится, так сказать, «зрячей», и успех её в конечном счёте определяется тем, насколько адекватно осознаются – понимаются, выражаются в понятиях – предметные условия деятельности. <...> На самом деле, как показывает Ильенков, сознание является функцией куда более обширной и ещё более сложной системы, нежели человеческий мозг. Сознание возникает и может существовать лишь в особом процессе практического взаимодействия тела с внешним миром: не только головного мозга, но и рук, и рецепторов, и не просто внешнего мира, но природы, обработанной трудом человека, мира культуры, включающего в себя и других людей, с их телами и душами. Каждый из компонентов этой системы столь же необходим для возникновения и работы сознания, сколь и мозг, – ни на йоту меньше! Система эта называется «обществом», и формируется она в процессе предметной деятельности, труда. <...> Сознание – дар общества душе. <...> Философы-идеалисты вплотную подошли к пониманию реальных масштабов системы, в которой «локализовано» человеческое сознание. Заикленные же на мозге материалисты, со всей их нейрокибернетикой, и в наши дни ни на дюйм не ближе, чем барон Гольбах, к решению проблемы сознания. Последний раскрыл нам тайну всех натуралистических теорий сознания: они представляют собой «явственные сотрясения мозга»⁶.

Давайте представим, что этот пассаж прочёл человек, который не является апологетом философии марксизма-ленинизма. А именно, это человек, который не имеет догматической веры в основы марксизма-ленинизма или не желает догматически в них верить. Стало быть, это человек, который, обнаружив, что он не понимает – отдельные или все – основоположения этой философии, не будет иметь убеждённости в их истинности или в том, что он на самом деле понимает эти основоположения.

Вопрос: «Понял ли он из этого пассажа, что такое сознание?» С большой уверенностью можно предположить, что нет. Из приведённого пассажа он понял лишь то, что сознание следует объяснять через понятие трудовой деятельности. Тем не менее то, что можно назвать природой сознательного опыта, осталось за гранью его понимания.

Почему это так? Дэниел Столджер⁷ однажды сформулировал проблему сознание – тело как проблему «размещения» (или «подгонки», «fitting»). Это значит, что мы объясним феномен сознания, если продемонстрируем, как он «вписан» в окружающий мир, как тот репрезентирован современной наукой. Последний пункт – дань натуралистической установке, однако сейчас его можно вынести за скобки. Важно то, что, объясняя некоторый феномен, мы показываем, как то, что нам неизвестно, соотносится с тем, что нам известно, и как они вместе образуют некоторое целое – Вселенную, мир. Говоря более технически, мы стремимся установить онтологический статус этого феномена, характер метафизических отношений, наличествующих на микроуровне, и т.д. (к слову, отсюда ясно, что ироничное замечание Майданского о «заикленных на мозге материалистах» неуместно, поскольку мозг их интересует лишь в той мере, в какой они стремятся «вписать» сознание в рамки физического мира).

⁶ Майданский Д.А. «Практический материализм» в философии сознания // Советская философия сознания: этюды по истории идей / Под ред. А.Д. Майданского. М., 2023. С. 9–11.

⁷ Stoljar D. Physicalism (New Problems in Philosophy). Oxford, 2010. P. 20–21.

В то же время, в отстаиваемом Майданским подходе к объяснению сознания ничего этого нет: одна человеческая способность – а именно, сознание (хотя оно может быть представлено как целый конгломерат отдельных когнитивных способностей), – просто увязывается с другой его способностью, – а именно, с трудовой деятельностью, – и «проклятые» вопросы о том, как сознательный опыт связан с мозгом, является ли он «обитателем» физического мира и реален ли вообще, остаются без ответа.

Таким образом, чтобы убедиться в нерелевантности модели объяснения Майданского, не обязательно занимать какую-то конкретную онтологическую позицию по проблеме сознания. Его объяснение нерелевантно просто потому, что это квази-объяснение, не оставляющее после себя, так сказать, даже *послевкусия* понимания.

Идём далее. На очереди – статья «*Миф и логос в советской философии сознания*»⁸ С.М. Климовой. Это великолепный историко-философский очерк, прослеживающий основные этапы осмысления понятия мифа в отечественной мысли. Одна проблема – название статьи абсолютно не соответствует её содержанию. О заявляемой в заголовке философии сознания (как в этом легко может убедиться читатель) не говорится ни слова.

В самом деле, есть идущая от немецкой классической философии традиция, в рамках которой выражения типа «*политическое сознание*» и «*эстетическое сознание*» вполне уместны. В известной мере она, видимо, проникла и в народные массы. Её отголоски можно услышать, например, в ситуации, когда говоришь кому-то, что занимаешься философией сознания, а в ответ слышишь: «О-о, сознание! И как сейчас обстоит дело в обществе?» (хотя такое неразборчивое терминопотребление, как представляется, едва ли уместно: создаётся впечатление, будто существует множество сознаний, которые мы – словно линзы – наводим на различные предметы).

Одновременно с этим есть устоявшееся употребление термина «философия сознания», в соответствии с которым под ним понимается конкретная дисциплина аналитической философии, охватывающая конкретную объектно-предметную область философских исследований. В этом случае рецепция теории мифа в советской философии, являющаяся подлинным предметом статьи Климовой, не имеет никакого отношения к настоящей дисциплине. Философия сознания сосредоточена вокруг проблематики, связанной с феноменом ментального и сопутствующими вопросами (свобода воли, тождество и природа личности и др.), тогда как теория мифа – разумеется, в зависимости от постановки данной проблемы, – может затрагивать объектно-предметные области философии искусства, философской антропологии, теории референции, философии религии и т.д. Другими словами, теория мифа явно не вписывается в объектно-предметные рамки философии сознания.

Могут спросить: «*Разве не обоснованно считать теорию мифа предметом философии сознания на том основании, что обсуждение первой темы неизбежно влечёт обсуждение последней?*». Действительно, миф связан с сознанием постольку, поскольку является продуктом психической деятельности человека. Но с тем же успехом можно объявить предметом философии сознания, скажем, понятия блага или истины (опять-таки, в зависимости от избираемых нами позиций в метаэтике и теории истины).

Также могут заметить: «*Не следует привязываться к словам и намеренно сужать значение понятия “философия сознания”, понимая под ним лишь соответствующую дисциплину в аналитической философии. Ведь при желании можно*

⁸ Климова С.М. Миф и логос в советской философии сознания // Советская философия сознания: этюды по истории идей / Под ред. А.Д. Майданского. М., 2023. С. 29–49.

выделить континентальную философию сознания, буддийскую философию сознания и т.д.». Отчасти это действительно так. Тем не менее сужение значения данного понятия продиктовано тем предварительным представлением о книге, о котором было сказано вначале. Ведь и из названия книги, и из статьи самого Майданского следует, что эта работа полемически направлена против аналитической философии сознания. В то же время, если озвученное возражение справедливо и под «философией сознания» здесь действительно понимаются разные философские дисциплины, принадлежащие к разным философским традициям, руководствующиеся разными философскими методологиями и, как следствие, имеющие разные объектно-предметные области философского исследования, то изначальный пафос книги и её концепция рассыпаются в пух и прах.

Следующая статья принадлежит Д.Э. Гаспарян и называется «Тема сознания в экзистенциализме и феноменологии Мераба Мамардашвили»⁹. Публикация выполнена в виде пространного и доступного введения в генезис и логику мамардашвилевской мысли. Много внимания уделяется влияниям со стороны классической немецкой философии, Мартина Хайдеггера и французского экзистенциализма.

Далее, положившись на точность историко-философской реконструкции, осуществлённой Дианой Эдиковной, позволим себе сосредоточиться на тех местах, где Мамардашвили напрямую касается проблемы сознания.

Понимание – совершенно личная и только личная вещь. Понять можешь только ты сам, за тебя понимать никто не может. Понимание всегда отмечено знаком индивидуального состояния. Вы не можете понимать вместо меня, а я – вместо вас¹⁰.

Характеристика ментального, которую в этом пассаже пытается ухватить Мамардашвили, в аналитической философии сознания называется «*приватностью*». Состояние сознания – это то, что дано в перспективе от первого лица и не дано в перспективе от третьего лица. Другими словами, состояние сознания не интерсубъективно: вы можете сказать вашему собеседнику, что прямо сейчас вообразили зелёного слона, однако он не может пойти и увидеть вообразённого вами зелёного слона так же, как он может пойти и увидеть стоящий между вами стол.

Тем не менее решительно непонятно, почему Мамардашвили «награждает» приватностью только понимание, поскольку в принципе так могло бы быть охарактеризовано любое осознаваемое ментальное состояние (например, чувство боли) и даже не осознаваемые когнитивные процессы (например, осуществляемые за доли секунды вычислительные процессы обработки визуальной информации).

Речь идёт о том, что о сознании невозможно говорить в терминах объектов. Ещё до того, как мы приступим к сознанию, начав изучать его в качестве «объекта», сознание уже есть и делает возможным всю исследовательскую процедуру; сознание всегда опережает процесс его натурализации, и потому попросту не является объектом и не может рассматриваться в качестве такового¹¹.

В современной аналитической философии проблема сознания чаще всего формулируется в терминах *свойств, состояний и событий*. Тем не менее философское исследование феномена ментального не влечёт с необходимостью «натурализацию» или «объективацию» последнего: к примеру, можно говорить о сознании как свойстве особой духовной субстанции и, соответственно, не быть натуралистом.

⁹ Гаспарян Д.Э. Тема сознания в экзистенциализме и феноменологии Мераба Мамардашвили // Советская философия сознания. Этюды по истории идей / Под ред. А.Д. Майданского. М., 2023. С. 82–133.

¹⁰ Там же. С. 85.

¹¹ Там же. С. 105–106.

Что же до того, что философское исследование сознания основано на когнитивном круге, поскольку объектом познающего ума в известном смысле является он сам, то это обстоятельство представляется мне не поводом, чтобы опустить руки, но вселяющим азарт вызовом. Более того, были философские концепции (и почитаемое Мамардашвили кантианство, и более позднее мистерианство Колина Макгинна¹²), которые выводили эту проблему на первый план. И даже такой, казалось бы, пессимистический взгляд на границы человеческого познания давал куда больше результатов, чем простая констатация циркулярности философского исследования феноменального сознания.

Со-знание есть тогда, когда есть удвоение регистрирования знания – мало просто знать, следует знать, что знаешь¹³.

Этот, как кажется, небрежно сформулированный тезис при желании можно легко разбить. Представим умного робота-уборщика. В него встроена совокупность алгоритмов по взаимодействию со средой. Также представим, что этот робот обладает такими когнитивными способностями, как память и осведомлённость (последняя реализована при помощи специальной системы камер и датчиков, а также программы, позволяющей роботу оценивать собственные действия). Таким образом, не вызывает сомнений, что нашему роботу доступны знания первого и второго порядков. Но если это так, то тезис Мамардашвили подрывается, поскольку знание второго порядка не влечёт феноменальности: можно в некотором смысле иметь знание о знании – или знание о том, что ты делаешь, – но при этом не иметь опыта «каково это иметь знание второго порядка». Впрочем, эта шпилька адресована не столько Мамардашвили, – сам он вряд ли интересовался набиравшими тогда обороты когнитивными исследованиями, – сколько такой постановке вопроса, к которой некоторые авторы прибегают и сегодня.

Завершим наш обзор рассмотрением статьи А.Д. Майданского «Сергей Мареев о трудовой природе сознания»¹⁴. Первое, что обращает на себя внимание, – стиль. Статья изобилует эмоционально окрашенной лексикой и пространными экскурсами в историю взаимоотношений Мареева с коллегами по цеху. Все это нарушает композиционную целостность текста, как и выражения, неуместные с точки зрения научного стиля. Создаётся впечатление, будто это не глава из научной коллективной монографии, а стенограмма речи, прочитанной в неформальном кругу единомышленников. Например, обратим внимание на пассаж на с. 194:

Спиноза, конечно, не дошёл до понимания культурно-исторической природы сознания, идей, но и не опускался до соматического материализма <...>. Это уже просто Гоббс какой-то... Впрочем, Спинозе не привыкать, ему ещё не так доставалось. Ильенков, конечно, желал ему добра, искренне – как медведь пустыннонику.

Между тем, если не принимать во внимание шероховатость стиля, статью без тени сомнения можно назвать содержательной, поскольку в ней действительно обсуждается проблема сознания. Вот, скажем, как разъясняется странная двойственность в марксистской методологии исследования сознания:

¹² См.: Павлов А.С. Трансцендентальный натурализм Колина Макгинна как методологический подход в современной аналитической философии // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2020. № 2. С. 22–32.

¹³ Гаспарян Д.Э. Тема сознания в экзистенциализме и феноменологии Мераба Мамардашвили // Советская философия сознания. Этюды по истории идей / Под ред. А.Д. Майданского. М., 2023. С. 106.

¹⁴ Майданский А.Д. Сергей Мареев о трудовой природе сознания // Советская философия сознания. Этюды по истории идей / Под ред. А.Д. Майданского. М., 2023. С. 186–199.

В школьной марксистско-ленинской философии... надвое распалась теория сознания: в курсе истмата у сознания имелся предикат «общественное», оно понималось как «отражение общественного бытия» и конкретизировалось как сознание классовое – пролетарское, буржуазное и т.д.; а в курсе диамата сознание представляло как функция мозга, копирующего-фотографирующего «материю» внешнего мира при помощи органов чувств (Ленин плюс Иван Павлов). <...> Истматчиков и диаматчиков эта антиномия не смущала. <...> Самые храбрые заходили ещё дальше: с одной стороны, сознание идеально, если иметь в виду присущую ему «психическую форму» и «сознаваемое содержание»; а с другой стороны, сознание материально – если иметь в виду заведующие им «нейроструктуры» и объективную реальность, в нём отраженную. Такого рода дуализм и релятивизм И.С. Нарский называл «диалектическим подходом» к сознанию, Мареев же называл «раздвоением сознания»^{15, 16}.

Согласно Майданскому, Мареев полагал, что человеческое сознание возникает и формируется в ходе трудовой деятельности, т.е. как «отражение в человеческой психике процесса производства материальной жизни». Сам Мареев объяснял эту идею так:

Как так? Ребёнок ведь обретает сознание задолго до того, как приступает к трудовой деятельности. Не значит ли это, что сознание предшествует труду? Подобного рода иллюзия возникает оттого, что сознание и труд рассматриваются как индивидуальные, а не общественно-исторические процессы. Маркс называл такой абстрактный взгляд на вещи «робинзоной»¹⁷.

Давайте оттолкнёмся от этого пассажа и немного порассуждаем сами: в частности, предложим два мысленных эксперимента.

Вот первый из них. Допустим, есть некий необитаемый остров, и человечество, раздираемое кровопролитными войнами, эвакуирует туда детей. Правда, благополучно доставить на остров удаётся только одного ребёнка. (Как видим, это очень похоже на начало романа «Повелитель мух» – за тем исключением, что на остров попадает не коллектив детей, а один-единственный ребёнок). Также допустим, что каким-то невообразимым образом ребёнку удалось выжить и приспособиться к жизни на острове. В силу отсутствия в аудиальной среде форм человеческого языка у него своевременно не активизировались когнитивные модули, отвечающие за освоение человеческой речи. У малыша нет огромного числа социальных навыков, получаемых из опыта взаимодействия с другими людьми. Его теоретический, социальный, эмоциональный и пр. виды интеллекта значительно уступают таковым у обычного человека. Перед нами новый Маугли. Тем не менее не вызывает сомнений, что этот ребёнок обладает определённой базовой сознательностью. Из того, что он не жил в обществе и не был вовлечён в формы трудовой деятельности, не следует, что в его голове «всё пусто».

Теперь второй мысленный эксперимент. Вновь представим необитаемый остров, но теперь «сошлём» туда человека, который, наоборот, значительную часть своей жизни – прямо как Робинзон Даниэля Дефо – провёл в социуме. Представляется очевидным, что в случае вынужденной изоляции человек не только не лишается сознательного опыта, но и при должных усилиях способен сохранить многие знания, умения и навыки, полученные в период жизни в обществе (в чём, между прочим, убеждён и Дефо).

Таким образом, представляется, что ошибка Ильенкова, Мареева и других советских философов, придерживавшихся «деятельностного подхода», в том, что,

¹⁵ Майданский А.Д. Сергей Мареев о трудовой природе сознания // Советская философия сознания. Этюды по истории идей / Под ред. А.Д. Майданского. М., 2023. С. 188.

¹⁶ Авторская орфография сохранена.

¹⁷ Мареев С.Н. Из истории советской философии: Лукач – Выготский – Ильенков. М., 2008. С. 71.

говоря о сознании, они смешивают две разные вещи: а именно, *феномен ментального* и определённый образ мысли, *мировоззрение*. Первое – это врождённая, биологически детерминированная данность, тогда как второе – действительно нечто такое, что может зависеть от внешних социально-экономических факторов. Выражаясь афористически, можно обладать сознанием, но не быть убеждённым строителем коммунизма.

В начале мы оговорились, что не будем поспешны в вынесении оценок этой монографии. Пришло время их озвучить. Скажем сразу – оценки будут неоднозначные.

С одной стороны, книга стремится восполнить недостаток в освещении проблематики философии сознания в советской философии. В «Приложении» приводятся значимые источники – автореферат кандидатской диссертации Мамардашвили, отзыв официального оппонента Ильенкова и материалы, позволяющие составить представление о содержании дискуссии соискателя и членов диссертационной комиссии. Таким образом, научная ценность монографии не вызывает сомнений.

С другой стороны, налицо недостаточная проработанность методологии исследования. Книга пытается убедить нас в том, что она полемизирует с аналитической философией сознания, но с этой задачей явно не справляется. Вернув её на полку, читатель вряд ли будет иметь отчётливое понимание того, чем же, собственно, отличается советская философия сознания – кроме каркаса марксистско-ленинского дискурса, в который она помещена, – от англо-американской альтернативы: если такого рода противопоставление действительно имело место в качестве одной из целей работы, то его следовало осуществлять эксплицитно и систематическим образом. Этому также не способствует отсутствие последовательности в употреблении термина «сознание»: в разных местах и без предварительных пояснений под ним понимается то феномен природы (психическая деятельность), то некий социальный конструктор.

Среди недостатков иного рода следует указать неполноту историко-философского обзора. Например, в монографии лишь в двух словах упоминается Д.И. Дубровский, тогда как рассмотрение его информационной теории сознания, наоборот, могло бы подготовить почву для сравнения подходов к решению проблемы сознания в советской и аналитической философии. Впрочем, как уже было отмечено, сказанное верно лишь в том случае, если указанный компаративистский анализ действительно планировался.

Список литературы

Дубровский Д.И. Проблема сознания. Теория и критика альтернативных концепций. М.: ЛЕНАНД. 2021. 400 с.

Мареев С.Н. Из истории советской философии: Лукач – Выготский – Ильенков. М.: Культурная революция, 2008. 448 с.

Павлов А.С. Трансцендентальный натурализм Колина Макгинна как методологический подход в современной аналитической философии // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2020. № 2. С. 22–32.

Танюшина А.А. Философские проблемы теории интегрированной информации Д. Тонони // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2020. № 1. С. 18–31.

Чалмерс Д. Сознание / Пер. на рус. яз. В.В. Васильева. М.: URSS, 2019. 512 с.

Stoljar D. Physicalism (New Problems in Philosophy). Oxford: Oxford University Press, 2010. 252 p.

In Search for Soviet Philosophy of Consciousness.

A Review on: Soviet Philosophy of Mind: Etudes on History of Ideas.

Ed. by A.D. Maydanskiy. Moscow: Kanon+ROOI "Reabilitatsiya", 2023. 336 p.

Alexey S. Pavlov – Candidate of Sciences in Philosophy, junior research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: pavlov.alexey@gmail.com

This text is a review of the collective monograph «Soviet Philosophy of Mind: Etudes on History of Ideas» edited by A.D. Maydanskiy. It is highly improbable that someone will dispute that philosophy of mind is the central (if not main) discipline of contemporary analytic philosophy. Of great importance was identifying the parallels between discussions in analytic philosophy and in what was going on at that time in the Soviet thought which largely existed in the framework of the Marxist-Leninist discourse. The name of the monograph in question suggests that it's the first systematical historical and philosophical research dedicated to these discussions in Soviet philosophy that to some extent relate to the problems of the philosophy of mind. If our preliminary impression of the book is true, this work has been awaited for a long time. However, the monograph leaves an ambiguous impression. On the one hand, the book tries to fill the gap in the review of the problems of the Soviet philosophy of mind. The «Addendum» contains unique sources (the abstract of Merab Mamardashvili's Ph.D. thesis, the review of Evald Ilyenkov's official opponent, etc.), and as a result, the scientific value of the monograph is beyond doubt. On the other hand, there is a clear lack of elaboration of the research methodology. The book tries to convince us that it is arguing with the analytic philosophy of mind but it doesn't do its job. The reader will unlikely to have a clear understanding of how the Soviet philosophy of mind differs from its Anglo-American alternative: if this kind of comparative analysis took place as one of the goals of the research then it should have been carried out explicitly and systematically. The achievement of this goal is also not facilitated by the lack of consistency in the use of the term «mind»: in different places and without preliminary explanations it is understood either as a phenomenon of nature or as a certain social construct. Among the shortcomings of a different kind, one should point out the incompleteness of the historical and philosophical review.

Keywords: Evald Ilyenkov, Merab Mamardashvili, Philosophy of Mind, Problem of Consciousness, Sergey Mareev, Soviet Philosophy

For citation: Pavlov, A.S. In Search for Soviet Philosophy of Consciousness. Retsenziya na: Sovetskaya filosofiya soznaniya: etyudy po istorii idei / Pod red. A.D. Maydanskogo. M.: Kanon+ROOI "Reabilitatsiya", 2023. 336 s. [A Review on: Soviet Philosophy of Mind: Etudes on History of Ideas. Ed. by A.D. Maydanskiy. Moscow: Kanon+ROOI "Reabilitatsiya", 2023. 336 p.], Otechestvennaya filosofiya [National Philosophy], 2023, Vol. 1, No. 2, p. 128–136. (In Russian)

References

Chalmers, D. *Soznaushij um* [Conscious Mind]. Trans. in Russian by V.V. Vasilyev. Moscow: URSS, 2019. 512 p. (In Russian)

Dubrovskiy, D.I. *Problema soznaniya. Teorija i kritika al'ternativnyh kontseptsij* [Problem of Consciousness. Theory and Critics of the alternative conception]. Moscow: LENAND, 2021. 400 p. (In Russian)

Mareev, S.N. *Iz istorii sovetskoj filofofii: Lukach – Vigotskij – Il'enkov* [From the History of Soviet Philosophy: Lukach – Vigostkiy – Ilyenkov]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya, 2008. 448 p. (In Russian)

Pavlov, A.S. Transsendental'nij naturalizm Kolina Makginna kak metodogicheskij podhod v sovremennoj analiticheskoj filosofii [Transcendental naturalism of Colin McGinn as the methodological approach in the contemporary Analytic Philosophy], *Moscow State University Bulletin. Series 7: Philosophy*, 2020, No. 2, pp. 22–32. (In Russian)

Stoljar, D. *Physicalism (New Problems in Philosophy)*. Oxford: Oxford University Press, 2010. 252 p.

Tanushina, A.A. Filosofskie problemi teorii integrirovannoj informacii D. Tononi [Philosophical problems of integrated information theory of D. Tononi], *Moscow State University Bulletin. Series 7: Philosophy*, 2020, No. 1, pp. 18–31. (In Russian)